

ББК 63.3(4Ирл)5

С.В. Мельникова

Культурно-идеологические истоки фенианизма: эволюция революционизма в XIX в. и народный протест

Ключевые слова: история Ирландии XIX века, революционное движение в Ирландии, «объединенные ирландцы», фенианское движение, либеральное движение в Ирландии, революционное Просвещение в Ирландии и Америке, идеология ирландского революционного движения.

Key words: history of Ireland in XIX century, revolutionary movement in Ireland, «united Irishmen», fenian movement, liberal movement in Ireland, revolutionary Enlightenment in Ireland and America, ideology of Irish revolutionary movement.

Весь период в истории Ирландии от конца XVIII в. и вплоть до конца XIX в. ознаменовался этапами постоянных изменений идеологии и структуры национального движения. Тенденции эволюции революционизма и причины ослабления либерального крыла национального движения к концу XIX в. вызывают дискуссии в литературе. Неясным также остается значение стихийного социального протеста для этих изменений. В статье будут рассмотрены следующие проблемы: что привело к возрождению революционной традиции в лице фенианского движения, какое место в этом процессе следует отвести стихийному социальному протесту? Какие идеи своих предшественников воспринял фенианизм, а какие отбросил в процессе преобразования революционного движения, например, имелась ли преемственность между идеологией «объединенных ирландцев» и фенианской идеологией? Был ли либерализм полностью отброшен?

Распространение идей Американской и Французской революций оказало огромное влияние на политическую культуру Ирландии, которое проявилось в ее радикализации и демократизации. «Права человека» Томаса Пейна были книгой эпохи не только в Америке, но и в Ирландии, а события революционной войны в Северной Америке широко обсуждались в Дублине. Перипетии «американского кризиса», полемика Т. Пейна и Э. Бёрка вокруг достижений Французской революции стали неотъемлемой частью атмосферы, в которой прошла юность поколения, принявшего активное участие в создании революционного движения.

На рубеже 80–90-х гг. на политической арене остро стоял вопрос об эмансипации католиков. Популистская политика британского кабинета, либеральное движение во главе с Генри Граттаном, образованное в 1791 г. в Белфасте общество «объединенных ирландцев», – различные политические силы подогрели классовые противоречия, уже сложившиеся к 80-м гг., и подготовили почву для массовой политизации. У истоков создания последней организации стояла группа

молодых людей, выходцев из привилегированного слоя протестантского джентри, Т. Уолф Тон, У. Дрэннан, Т. Рассел, Т. Э. Эммет, А. Ровен, А. О’Коннор и др. Хотя изначально идеологи «объединенных ирландцев» находились под влиянием либерализма вигов, но затем их политические взгляды радикализировались. Решающее воздействие на их идеологию оказал либерализм американского Просвещения и идеи Французской революции, прежде всего идеи гражданского равенства, ликвидации коррумпированного сословно-олигархического правления и права нации на самоопределение. Просвещенческий американский либерализм сделал значительный шаг вперед по сравнению с аристократическим британским либерализмом. Деятели Американской революции противопоставили республику монархии не просто как различные формы правления, а как противоположные политические режимы, поэтому монархия была в их понимании источником не только политических, но и социальных зол, а их либерализм был неотделим от республиканизма [1, с. 95–97]. Декларация 1776 г. центральным пунктом рассматривала идею равенства гражданских прав всех людей, а не избранной элиты, а также право нации на самоопределение, законодательно закрепила право нации на революцию, и это право не противоречило принципам обновленного либерализма. Центральной категорией в политической теории американских революционеров стал народ, а не избранная аристократическая элита. Дж. Хоуп писал, что идеи и события Американской революции «раскололи ирландское общество» и повлияли на распространение передовых взглядов среди ирландских политических лидеров и наиболее «просвещенных кругов» общества: «Началась борьба между требованиями плуга и меча, отжившая фантазия ополчилась против реальности, а интересы капитала – против интересов труда» [2, с. 228].

Организация «объединенных ирландцев» впервые поставила цель достижения политической независимости Ирландии путем преодоления религиозных распрей. Создатели общества взяли за образец структуры масонские ложи и выработали пропагандистские ритуалы и символику с целью привлечения широких масс. В своей деятельности они широко популяризировали идеи Американского просвещения и Французской революции, что послужило одной из причин массовой политизации конца 90-х гг. XVIII в. Однако лидеры «объединенных ирландцев» не смогли привить

свои прогрессивные идеи народному сознанию – сектантскому, коллективистскому и патриархальному. В соответствии с духом революционного Просвещения они приняли самое активное участие в создании множества баллад, брошюр и пропагандистских памфлетов [3, с. 139–140]. Судьба революционного ирландского Просвещения напоминала судьбу благородного Фауста в бессмертной трагедии Гёте. В Ирландии отсутствовали политические условия для существования легального либерального движения. К 1796–1798 гг. ситуация грозила вылиться в жакерию: вспышки религиозно-сектантской резни, погромы, поджоги и убийства.

Легальные рычаги предотвращения, например, антикатолических погромов в Ольстере и попытки наказать виновных, по свидетельству Генри Дж. МакКрэкена, ключевой фигуры «объединенных ирландцев» на Севере, наталкивались на грандиозную коррупцию судебной системы и нежелание самих жертв погромов иметь с ней дело [4, с. 400–403]. Результат не замедлил сказаться: бездействие закона выливалось в ответные действия. Вильяма Дж. МакНевен дал следующую оценку вспышек стихийного насилия со стороны католиков в разгар восстания 1798 г., спровоцированного безобразным поведением должностных лиц: «Я весьма далек от намерения оправдывать убийства, но если меня правильно информировали о поведении чиновников и судей в этой стране, то упомянутые вами убийства гораздо больше похожи на акты возмездия, чем фанатизма» [5, с. 198]. Правительство, заигрывавшее в 80-е гг. с национальным движением, в 90-е гг. было напугано его размахом и целями, приступило к политическим репрессиям, пытаясь переложить вину на оппозицию. В этих условиях «объединенные ирландцы», возникшие изначально как легальное движение, вынуждены были стать революционерами. Такая трансформация в условиях полицейского режима, опиравшегося на армию платных доносчиков, без труда способных инфильтрироваться в аморфную структуру «объединенных ирландцев» со слабой степенью конспирации, не могла быть успешной.

Однако репрессии против лидеров национальной оппозиции не дали нужного результата: после арестов высшего политического руководства ситуация приобрела угрожающий характер. Разгул народной «стихии» мог сравниться лишь с бесчинствами британской армии. Военные преступления стали частью карательной британской политики уже в ходе революционной войны в Америке, где в безуспешной попытке справиться с революционной армией и партизанским движением в ход был пущен террор, а британская артиллерия сметала американские поселения с лица земли, такая участь, например, постигла Чарльзтаун. Достаточно вспомнить преступления, совершенные в оккупированном Нью-Йорке начальником полиции,

В. Каннингэмом с позволения генерал-майора В. Хау [6, с. 184–186]. Эта карательная практика, отработанная в американских колониях, широко применялась в Ирландии в 1798 г., но в отличие от американских мятежников ирландские не смогли создать ни революционную армию, ни партизанское движение.

Показателем углубляющейся политизации стал стремительный рост дефендеризма, стихийного движения низших социальных слоев католиков, не ставившего политических целей, сектантского по своему характеру, стремительно расширявшегося под влиянием классовых противоречий и политизации 90-х гг. XVIII в. [7, с. 111–115]. Представители политической элиты «объединенных ирландцев» определяли дефендеризм как стихийное движение, непросвещенное и сектантское в своей сущности: «Они состояли почти полностью из католиков и тех из низших классов, кто спасал себя на свой риск, исходя из ложной самоуверенности и поиска самоудовлетворения в преждевременном и стихийном восстании. На севере они оказались втянутыми в ожесточенную и кровавую борьбу с противоположной кликой, прозванной «приходящие на рассвете» [5, с. 179].

Союз между движением народного протеста и «объединенными ирландцами» сложился на севере. Джеймс Хоуп, применивший классовый подход в своих воспоминаниях о событиях революционного десятилетия 1790-х гг., назвал Белфаст «колыбелью политики», распространившей «основы свободы Ирландии». Он указал на опережающее развитие мануфактурного производства на севере и резкое обострение классовых противоречий как основного фактора, приведшего к формированию союза «элитарного» и «народного» протеста, впрочем потерпевшего поражение из-за предательства верхушки буржуазии [2, с. 223–224, 231, 238]. Его возникновение было обусловлено деятельностью талантливых пропагандистов «объединенных ирландцев» (Томас Рассел, Генри Джой МакКрэкен, Джеймс Хоуп), детально знавших условия жизни народа благодаря многочисленным поездкам по стране. Именно этот союз на нерелигиозной основе напугал британское правительство, стремившееся расколоть север и юг, разжигая религиозную и классовую вражду между различными группами и сектами, и толкнул его на репрессии, прежде всего против лидеров северян.

Республиканцы осознавали, что политика популизма может быть хотя и весьма мощным, но временным средством по достижению целей, чуждых движению социального протеста, а потому ограничиться ей значило бы пойти против объективных законов истории и потерпеть фиаско в отдаленной исторической перспективе. Том Эммет и Вильям МакНевен, обосновывая неизбежность революции в случае поражения реформ, осознавали, что проблемы эмансипации католиков и законодательной реформы

не волновали беднейшие слои населения и увлекали их лишь постольку, поскольку открывали перспективу на улучшение их социальных условий. Однако и отмена церковной десятины, и запрет грабительской арендной платы были, по их мнению, возможны лишь в рамках полноценной реформы, а не предложенных полумер, которые потерпели крах в условиях недемократической Ирландии (см. [5, с. 206, 221–222, 230]). Таким образом, они полагали, что решение политического аспекта проблемы откроет путь и к улучшению социально-экономических условий беднейших слоев населения, сектантство и стремление достичь своих узкоклассовых целей за счет использования народного протеста было им чуждо.

Вместе с тем социально-экономическая природа народного протеста не исключала наличия у него аморфных политических целей и представлений. Среди этих представлений, глубоко укорененных в народном сознании, оставалось враждебное отношение к государственной власти в сочетании с анархизмом. Настрой на враждебный народу характер власти проистекал из ее «иноземного» происхождения, был усилен религиозными, языковыми и образовательными различиями между основной массой населения и политической элитой. В XVIII в. политическая элита представляла собой образованное протестантское англоязычное меньшинство, не знавшее ирландского языка. Основную массу населения составляли мелкие арендаторы, преимущественно католики по религии, говорившие на обоих языках, но лишенные доступа к образованию.

После лингвистического сдвига 40–50-х гг. XIX в. и ликвидации дискриминации в сфере образования культурный разрыв сократился, но восприятие власти не изменилось, а скорее стало частью не только патриархально-аграрного сознания ирландского крестьянства, но и сознания уже католической интеллигенции. Стихийный анархизм, отраженный в свидетельствах от рубежа XVIII–XIX вв. и до начала XX в., проистекал из установки, порожденной историческими условиями жизни ирландского народа, считавшего любую власть враждебной ему [8, с. 20–21]. Сомнения в легитимности имперской власти после подписания Акта о Союзе от 1801 г. только усугубили это отношение, поскольку «ореол» продажности и коррупции, окружавший неофициальную, но широко известную историю акта, стал излюбленным аргументом лидеров национального движения и патриотично настроенных публицистов в обосновании его узурпаторского характера. Сам Акт о Союзе едва ли можно рассматривать как исходный пункт в формировании стихийного анархизма, недовольства империей и властью в целом, такое отношение возникло задолго до формально-юридического закрепления фактических отношений между государственной властью и обществом в Ирландии.

Конечно, стихийное недовольство и социальный протест не то же самое, что активный политический протест. Вместе с тем стихийное недовольство оставалось благоприятной социокультурной средой для реализации политических целей элиты национального движения. В истории Ирландии конца XVIII – первой половины XIX в. народный протест солидаризовался с движениями, возглавляемыми элитой, по крайней мере, дважды. Такое объединение народного протеста и национального движения возник впервые, когда образовался союз дефендеризма и «объединенных ирландцев» и вторично, когда умелая пропагандистская кампания Д. О’Коннела отвлекла риббонитов от их первоначальных целей и толкнула их на поддержку лидера, чьи социальные интересы были скорее противоположны их собственным.

Очевидно, что после разгрома революционного движения на рубеже XVIII–XIX вв. идеология просвещенческого революционизма испытывала кризис, но для перспективы обновления идеологии национального движения Великий мятеж 1798 г., равно как и восстание 1803 г., были важны не своими военно-политическими результатами, а идеологическими. При учете различий между причинами поражения в 1798 и 1803 гг., события 1803 г., несмотря на тщательную техническую подготовку восстания и строгую конспирацию, однозначно показали уязвимую сторону движения – разрыв между политическими целями руководства и реальными возможностями, имевшейся организационной структуры самого движения, политической культуры рядовых участников и политической ситуации. Эти причины признали *post factum* сами организаторы восстания, Р. Эммет, Т. Рассел, Дж. Хоуп и М. Двайер.

Восстание 1803 г. стало поворотным пунктом в идеологической эволюции ирландского революционизма. Именно воздействие одной из самых ярких и романтизированных фигур на становление идеологии романтического революционизма и фенианизма – Роберта Эммета, младшего брата уже упомянутого нами Томаса Эммета, позволяет понять, как историю своих предшественников интерпретировала последующая идеология революционного движения. При жизни Роберт оставался в тени старшего брата, бывшего успешным адвокатом и ключевой фигурой в движении «объединенных ирландцев» (его роль в истории национального движения сопоставима с ролью Уолфа Тона и Тома Рассела). После ареста в 1798 г., четырехлетнего заключения, высылки в 1802 г. и эмиграции в США Том сделал себе в Америке блестящую юридическую карьеру – он занял пост генерального атторнея Нью-Йорка и добился принятия поправки в федеральное законодательство, направленной на укрепление целостности американского союза.

Тем не менее для националистов именно Роберт стал канонической фигурой, затмив даже Уолфа

Тона в героическом пантеоне романтического революционизма. Его блестящая речь перед вынесением ему смертного приговора после 10-часового суда стала источником бесчисленных идеологических спекуляций и превратила его поражение в пропагандистский триумф. В общем, идеологическая победа осталась явно за Робертом, что он осознал сам. Первые строки его личного письма к брату в ночь перед казнью начинались такими словами: «Я собираюсь выполнить свой последний долг перед страной, который можно исполнить точно так же на эшафоте, как и на поле боя. Не поддавайтесь пустым сожалениям из-за меня, лучше утешьтесь тем, что я сохранил стойкость и спокойствие духа до конца» (Robert Emmet to Thomas Addis Emmet, 20 Sept. 1803 в сб. опубликованных док. [9, с. 409]).

Однако эта политическая фигура была канонизирована не только интеллектуальной элитой, но и народным сознанием. Уильям Б. Йетс называл его одним из главных народных святых, чьи «портреты висели на стенах деревенских коттеджей рядом с ликами св. Девы и св. Патрика» [10, с. 319]. М. Эллиот рассматривает Роберта Эммета как принципиальную противоположность Дэниэла О'Коннелла, чьи достижения не получили столь широкого признания из-за его острой критики «объединенных ирландцев», которую едва ли могли простить ему революционные идеологи [11, с. 103]. Однако причины неприятия народной культурой либерализма в духе О'Коннелла заключались не только в пропаганде революционных идеологов и публицистов первой половины XIX в. (Т. Мур, Р.Р. Мэдден, деятели «Молодой Ирландии», ранние фенианские публицисты). На это были объективные причины. Влияние образа успешного политика Дэниэла О'Коннелла на фольклорное сознание не могло сравниться с влиянием Роберта Эммета, потерпевшего полное военное фиаско, обернувшееся для него самого, его семьи и близких друзей глубокой личной трагедией. Образ успешного политика-прагматика, соотносимый скорее с британской либеральной политической традицией, натолкнулся на архетип политического мученика, глубоко укорененный в народной традиции. Нетрудно предположить, кто получил здесь предпочтения.

Исторически сложившиеся свойства политической культуры Ирландии были усилены с 20–30-х гг. XIX в. влиянием романтического революционизма. Эффективной способностью, обеспечившей выживание ирландской революционной традиции, стало ее стремление творить собственную историю, легко подлежащую фольклоризации и сочетающуюся с архетипами ирландской фольклорной культуры [12, с. 84]. Среди названных выше публицистов особую роль в сохранении истории республиканской традиции сыграли Т. Мур и Р.Р. Мэдден, которые одними из первых после разгрома «объединенных ирландцев» возобновили

идеологическую войну против Британской империи. В многотомных сериях исторических биографий лидеров «объединенных ирландцев», пользовавшихся огромной популярностью на протяжении XIX в. (на их написание Мэддена вдохновил успех работы Т. Мура «Жизнь и время Эдварда Фицджеральда»), Р.Р. Мэдден собрал обширный материал, остающийся и сейчас главным историческим источником по истории этого периода. Однако самым важным было то, что биографии Мэддена, представленные в блестящей литературной обработке, полностью дискредитировали политическую систему империи, создав романтизированные образы героев национального движения. Не удивительно, что фенианские организации, широко отмечавшие в 1897–1898 гг. революционные юбилеи событий 1798 г., устроили у могилы Р.Р. Мэддена шумный митинг.

«Ирландские мелодии» Т. Мура, оказавшие огромное влияние на ирландскую народную культуру, в том числе на песенный фольклор, поэтизировали героиню трагически обреченной революционной борьбы и создали лирический образ Ирландии, страдающей под игом поработителя, уничтожившего ее культурную самобытность. Горечь личной утраты отражал меланхолический тон «Мелодий», посвященных его близкому другу по Тринити колледжу Роберту Эммету, за которого он впоследствии отомстил империи самым изощренным образом.

По мнению Т. Мура, существует неразрывная связь между протестом интеллектуальной элиты и народным протестом. На все попытки британской политики «цивилизовать» Ирландию на британский манер она отвечала вспышками яростного, сметающего все на своем пути насилия. Мур не верит, что Акт о союзе, который он рассматривает как «сделку парламентских Иуд», «жаждущих тридцати серебряников», опустившихся до «романтизации» собственной измены, сокрушил необузданную душу Ирландии: «Когда увидел я милостыню Освобождения, коварно предложенную католикам, как кубок на пиршестве Клеопатры, в обмен на бесценную жемчужину, независимость родины, испарившуюся в нем, я не мог не присоединиться к тем немногим голосам, зывающим: «Стойте! За какую тень вы предаете свою страну? Неужели поверите вы лгунам, в обмен на пустую надежду стать свободными людьми, неужели перестанете быть ирландцами?». Мур продолжает: «Что же получили вы в обмен на это предательство национального бытия? Устную клятву министра и лживое обещание фальшивых богатств, которые кажутся золотом в ваших глазах, но прахом станут они в руках ваших!» [13, с. 182].

Героем его новаторского романа «Воспоминания капитана Рока» становится лидер движения стихийного аграрного протеста, получившего общее название как движение риббонизма, или «Союза зеленой ленты», «белых парней», «мунлайтнеров». Одно из

наименований – «рокиты»), чьим легендарным вождем был «капитан Рок». Роман вышел в 1824 г., в разгар аграрных беспорядков. Только в этот год произведение выдержало 6 лондонских изданий, автор получил множество разгневанных откликов напуганных помещиков, поскольку в своей исторической концепции, повторяющей концепцию «объединенных ирландцев», Т. Мур возлагает вину за аграрные беспорядки не на «мятежников», а на вопиющую социальную несправедливость, которая царит в Ирландии. «Воспоминания» – это рукопись, переданная капитаном Роком английскому миссионеру, содержащая сатирическое изложение истории Ирландии как порочного круга правительственных репрессий и ответного стихийного насилия. Т. Мур полагает, что самопожертвование интеллектуальной элиты в борьбе за сохранение культурной самобытности и независимости Ирландии не было напрасным. Его оптимизм основан на идее о том, что народный протест выступает стихийным хранителем национальной традиции, поскольку можно подкупить политическую элиту и уничтожить интеллектуальную, но нельзя изменить природу народа. Вся репрессивная политика была бессильна против «семейства Роков» на протяжении всей истории Ирландии, поскольку империя не может повлиять на процессы, культурная и социальная природа которых ей не понятна.

Риббонизм, как и дефендеризм, не представлял собой в строгом смысле оформленного политического движения, его основой был социально-экономический протест, сочетавшийся с религиозно-сектантским национализмом низших сельских и городских слоев формирующегося среднего класса. Риббониты осознавали себя как группу, подвергающуюся религиозному и культурному притеснению, такое сознание толкало их на поиски национальной и культурной идентичности. Дж. Девои свидетельствует об одном из клубов риббонитов, – Братстве св. Патрика. «Их темой было ирландское национальное самосознание, но они не защищали какую-либо частную программу или политику» [14, с. 34–35]. Возможно, оценка роли риббонизма, данная Т. Муром, не столь далека от истины. Риббонизм копировал организационную форму «дефендеров» и «объединенных ирландцев», структурной единицей которых послужила масонская ложа, но в отличие от «объединенных ирландцев» вся иерархическая структура риббонитов была представлена выходцами из низших слоев общества. Основной единицей риббонитов также была ложа, организованная по типу братства, состоявшая из 35 членов и избиравшая комитет из 3 человек – казначея, председателя и представителя в собрание прихода до уровня провинций, координация действий между организационными единицами была слабой, основная масса организаций действовала на местном уровне [15, с. 250].

Хотя либералы во главе с Дэниелом О'Коннелом смогли добиться кратковременного успеха в мобилиза-

ции масс под эгидой либерального движения, но очевидно, что ирландский либерализм в духе О'Коннела быстро исчерпал свои возможности. В числе главных причин его неизбежного поражения было то, что британский либерализм не сочетался ни с политической культурой Ирландии, ни с ее социальными условиями. Эмансипация, бывшая частью политической программы «объединенных ирландцев», была важным шагом на пути формирования ирландского среднего класса. С этого времени католики наравне с протестантами получали доступ в парламент и государственные учреждения. Однако решение вопроса о расширении прав католиков в 1829 г. в социальном смысле мало что давало большинству населения. Эмансипация не ликвидировала аграрных проблем, нищету подавляющей массы населения и отсутствие законодательной независимости Ирландии хотя бы в рамках Британского союза.

Д. О'Коннел не был радикальным сепаратистом, он выступал за паритет с Англией в пределах союза, поэтому поставил вопрос не об отмене Британского союза, но о пересмотре старых условий союза в соответствии с принципами федерализма и равноправия его членов. Однако попытки изменить его условия конституционными методами проваливались. В 1840 г. возникла Ассоциация рипилеров, но ее усилия по реформированию союза не увенчались успехом, а внутри Ассоциации выделилась группа молодых политиков, разочарованных текущими неудачами и настроенных более решительно, получивших название «Молодая Ирландия», в которой тон задавали Т.О. Дэйвис, Дж.Б. Диллон, Ч.Г. Даффи. Очень быстро наметился раскол между Д. О'Коннелом и этими молодыми радикалами. В результате В. О'Брайен, Дж. Митчелл, М. Дохэни, Т. МакМэнас и другие создали Ирландскую конфедерацию (1847 г.). К 1846 г. Д. О'Коннел утратил контроль над ситуацией и в следующем году отошел от дел. Выступая в Палате Общин в своей прощальной речи в столь трагический для Ирландии 1847 г., он признал свое поражение и неспособность повлиять на катастрофическую социально-экономическую ситуацию. Д. О'Коннел умер в мае 1847 г., не увидев последствий катастрофы, подорвавшей силы ирландского народа в 1848 г.

В действительности Д. О'Коннел не понимал реальных потребностей беднейших слоев населения, вовлеченного на протяжении всего периода его борьбы за эмансипацию и федерализм, в борьбу за физическое выживание в преддверии Великого голода (1845–1848 гг.). Он лишь смог использовать в относительно ограниченных политических целях уже упомянутую выше не прекращавшуюся земельную войну против церковной десятины и высокой арендной платы, сопровождавшуюся нескончаемым насилием. Единственное, что смог сделать в этом отношении О'Коннел, – это добиться «Акта о замене десятины» (1832 г.). Акт

включил десятину в денежном выражении в сумму арендной платы, которую за крестьянина обязан был платить помещик-лендлорд, что, конечно, не изменило ситуации.

Тем временем конфликт рипиллеров с правительством в 1848 г. достиг апогея. К привычному для ирландского либерализма радикальному тону прибавились воинственные рассуждения о методах и возможностях революции, ссылки на Уолфа Тона и Эммета в газетах клубов и пафосных речах Митчелла и Мигера. Однако воинственная риторика не означала, что лидеры Конфедерации были также решительны в своих действиях и выработали практический план вооруженного восстания по примеру упомянутых ими же революционных лидеров. Раздраженное правительство арестовало мятежных публицистов в середине июля 1848 г., а затем выслало их из страны. Эта серия арестов сопровождалась анекдотическими событиями, хорошо описанными в литературе, которые были бы весьма смешными, если бы не события Великого голода [16, с. 270–286].

Если 20–30-е гг. подготовили культурно-идеологическую почву для оживления республиканской традиции, то 50-е гг. XIX в. создали ее обновленную организационную структуру. Она получила новый импульс благодаря участию таких идеологов, как Джон Митчелл, Финтан Лейлор, Майкл Дохэни, Джон О'Мэхони, Джеймс Стефенс, – практически все бывшие рипилеры. Неудачный конституционный опыт движения рипилеров, риторика и публицистика, послужившая идеологической базой для возобновления республиканской традиции, способствовали возникновению организационной структуры фенианского движения, объединившего разрозненные радикальные организации, оставшиеся после разгрома вышеупомянутых клубов. Радикальный республиканизм Дж. Митчелла и аграрный социализм Ф. Лейлора дополнили романтический революционизм, послуживший идеологической базой фенианизма, их социалистические идеи нашли отражение в Фенианской прокламации 1867 г. [17]. Среди разнообразных групп название движению в целом и ирландской сети организации дали две – кружок, основанный Дж. Стефенсоном и Дж. О'Мэхони в Нью-Йорке (1858 г.), впоследствии получивший название Ирландского республиканского братства (ИРБ), и Общество феникса, основанное Иеремией О'Донованом. Еще одним важнейшим этапом стало создание в Нью-Йорке организации Клан на Гэл в 1867 г. Окончательное организационное оформление фенианские организации получили после завершения Гражданской войны в США, поскольку множество фениев, ветеранов Гражданской войны в США на стороне Союза, вернулись на родину, многие имели американское гражданство [14, с. 117]. После событий 1867 г. в Манчестере правительство США, используя дипломатические

каналы, всячески стремилось спасти жизнь мятежным фениеям. Нью-Йорк фактически превратился в штаб-квартиру фенианских организаций, а выдающийся лидер Дж. Девой стал одной из ключевых фигур, руководивших всей фенианской сетью из Америки на протяжении 40 лет после его высылки из Ирландии.

В 40-е гг. роль катализатора организационных изменений сыграли события Великого Голода, который вызвал двукратное сокращение численности населения, лингвистический сдвиг конца 40-х гг. и викторианскую культурную революцию в Ирландии [18, с. 89–90]. **Иначе говоря, Великий голод разрушил социальную структуру и систему ценностей всего общества.** Общеизвестно, что идеологи националистов возлагали вину за последствия голода на имперские власти. Великий голод оставил глубокий след в памяти тех, кто принял активное участие в революционном движении второй половины XIX в.: родители О'Донована Россы умерли во время голода, семья Майкла Дэвитта пострадала от выселения, бедствия семьи Джона Девоя также начались с событий Великого голода.

В классовом отношении фенианизм как движение сопротивления социальным, культурным и экономическим изменениям формировался преимущественно из представителей городских ремесленных слоев, лавочников, журналистов, учителей, почтовых служащих. Он отражал разочарование ирландской интеллигенции от своего униженного статуса, застойной атмосферы и выхолащенной добродетельной фальши сословно-олигархической империи, едва прикрытой налетом викторианского сентиментализма [19, с. 2–8]. Показное пуританство скрывало неприглядную социальную картину. Великая империя, влезшая в долги и тратившая большую часть бюджета на колониальные войны и дипломатические интриги, была не в состоянии позаботиться о подавляющем большинстве своих подданных, жителях Северной Англии, Уэльса и Шотландии, влачивших полуголодное существование. Ирландия не была исключением из этого списка, поскольку внутренняя политика британских правительств не содержала целостного социального курса или, говоря словами Дж.И. Тревелиана, этот курс «направлялся прямыми ударами всемогущего Проведения» (цит. по: [20, с. 29]). От Акта о союзе и до начала революции политический режим в Ирландии представлял собой «правление Замка», прикрытое квазидемократическими институтами. Уникальной чертой Ирландии было то, что ее интеллигенция не приняла имперскую систему культурных и политических ценностей викторианской эпохи. Фенианская идеология явилась реакцией отторжения ценностей викторианской культуры теми, кто оказался лишен возможности реально участвовать в общественной жизни.

Просветительские ценности были унаследованы фенианскими идеологами от их предшественников,

но автократизм полувоенной организации фенианизма означал частичную утрату просвещенческих идеалов эгалитаризма и либерализма «объединенных ирландцев». Особое значение приобрел культ политического мученичества и героического самопожертвования во имя родины, отраженный как в «официальной» истории революционного движения, так и в доктрине мессианства революционной элиты, которая отстаивала за собой право говорить от лица народа и выражать волю народа. Продолжив историческую традицию, идущую от Р. Мэддена и Т. Мура, фенианские идеологи создали собственный исторический нарратив, его ключевым произведением стали «Воспоминания ирландского мятежника» Дж. Девоя, включающей ключевые события фенианской истории и биографии выдающихся фениев [14]. Любое событие истории революционного движения превращалось в источник для иллюстрации идеи о героической традиции сепаратизма, переходящей от одного поколения к другому, которую не может разрушить политическая пассивность народа. Главным предназначением каждого нового поколения стало сохранение мечты о свободе и независимости – великого дела революционной элиты. Как общий принцип эта доктрина нашла отражение в публицистических и литературных произведениях таких идеологов фенианского движения, как Дж. Стефенс, Ч. Дж. Кикхэм, Дж. О'Лири, Дж. Девой, а также в конституции ИРБ с поправками от 1873 г. Впоследствии завершённый облик эта концепция приобрела в политической публицистике и литературных работах П.Г. Пирса.

Фенианизм стал следующей закономерной стадией трансформации ирландской революционной традиции. После серии трагических неудачных попыток восстания, организованных наиболее радикальными элементами, ИРБ выжило только благодаря американской поддержке. Так, главный организатор и наиболее эффективный лидер Джон Девой множество раз спасал Клан на Гэл и ИРБ от бессмысленного экстремизма в Ирландии, так же, как и от втягивания Клан на Гэл в американскую политику экстремистской группой «Треугольник» в США.

Уникальность фенианизма состояла в его несокрушимости и способности инфильтрироваться в структуры любых общественных организаций, чтобы использовать их для продвижения своих целей. Периодические правительственные удары и режим тотальной полицейской слежки и доносительства (слежка осуществлялась по спискам неблагонадежных лиц, в число которых мог попасть каждый, например, вполне лояльные члены Парламентской партии), который существовал в Ирландии, не смог полностью разрушить «организацию» [21, с. 42–43]. Хотя их военные планы и доходили подчас до абсурда, но преданность делу снискала симпатию народа и прочно закрепила в фольклорной культуре представление о бескорыстной храбрости фениев.

Конституция 1873 г. обязывала ИРБ «ожидать решения ирландской нации, выраженное большинством народа, и подходящего момента для начала войны против Англии, а до тех пор оказывать поддержку каждому движению, способному продвинуть дело ирландской независимости сообразно с сохранением своей целостности» (цит. по: [8, с. 239]). Эта поправка позволяла отложить на неопределенный срок принятие решительных шагов и давала возможность достичь главной цели – формирование и кадровый отбор революционной элиты посредством организационной и пропагандистской работы, постоянно проводившейся в прессе, фольклорной популяризации, публицистики, организации празднований всевозможных революционных исторических юбилеев, участия в общественной деятельности и поддержке различных перспективных лидеров и т.д. С другой стороны, поправка отразила намерение консервативной элиты ИРБ избежать неконтролируемых акций со стороны радикальных кругов, которые могли бы скомпрометировать движение в глазах общественного мнения, привести к неоправданным жертвам и разгрому. Иначе говоря, руководство хотело избежать повторения манчестерских событий 1867 г., которые, хотя и добавили очередных мучеников в фенианский героический пантеон, воспетых в знаменитой балладе «God Save Ireland», написанной, как ни парадоксально, либералом и оппонентом фениев Дж.Д. Салливаном, возмущенным жестокостью правительства, но такое повторение событий 1803 г. не вело к желаемому политическому результату. Поэтому руководство фенианских организаций стало рассматривать революцию как долгосрочный проект, не совмещающийся с преждевременными и наспех подготовленными акциями.

Для осуществления этой задачи фенианизм создал подпольную структуру власти, дублирующую и способную в любой момент заменить собой официальную имперскую власть. Так, Конституция 1873 г. рассматривала Высший Совет, состоявший из 11 членов, как правительство Ирландской Республики, которому подчинялись местные центры, Высший Совет избирал Исполнительный совет (президента, секретаря и казначея). Каждый член ИРБ должен был беспрекословно подчиняться решениям Исполнительного Совета, а президент ИРБ являлся одновременно и президентом Ирландской Республики, который определял курс «Организации» и был наделен почти неограниченной властью. Однако дисциплинарный вопрос в ИРБ и Клан на Гэле находился в известной неопределенности. В этой связи фенианское движение переживало острый кризис после падения Чарльза Парнелла.

В земельной войне 70–80-х гг., вызванной ростом капитализма и коммерциализации, разрывавшей аграрное общество Ирландии, Земельная Лига Майкла

Дэвитта (последний был старейшим членом ИРБ) вступила в тесное взаимодействие с Парнеллом (радикальным лидером Парламентской партии), который не только пользовался поддержкой Дж. Девоя, но, будучи в начале карьеры малоизвестным молодым политиком, смог продвинуться и добиться столь стремительного взлета лишь благодаря поддержке фенианских организаций [16, с. 368; 21, с. 44]. Однако после правительственного разгрома Лиги и последующего раскола партии Парнелла, приведшего последнего к внезапной смерти от воспаления легких, прогрессирующего на фоне тяжелых душевных переживаний от политического провала, фенианизм обнаружил себя в опасности глубочайшего раскола. Решение политического руководства ИРБ и Клан на Гэл, прежде всего под давлением Джона Девоя, поддержать М. Дэвитта и Ч. Парнелла сделало фенианские организации тесно связанными с судьбой этих ярких политических лидеров.

Итак, анализ этапов эволюции ирландской революционной традиции позволяет сделать вывод о не-

избежности революционного исхода, проистекавшего из слабости классической либеральной традиции, отсутствии политических и социальных условий для ее развития. Либеральная идеология не сочеталась с политической культурой и не нашла такого отклика в национальной культуре, как революционная традиция, воспринявшая другие ценности, чуждые британскому либерализму, в результате чего ирландский «либерализм» начал сближаться с революционизмом к концу XIX в. **Появление фенианизма было вызвано необходимостью** в национальном движении, способном привести к власти в Ирландии средний класс и отстранить от власти аристократически-олигархическую имперскую элиту. Поскольку легальные пути для этого отсутствовали, то появление движения, использующего весь арсенал средств от открытой пропаганды до подготовки революции, в какой роли и выступил фенианизм, стало неизбежно. Революционная идеология, усвоив ценности Просвещения, победила в идеологической войне и смогла использовать стихийный социальный протест в достижении своих целей.

Библиографический список

1. Wood, Gordon S. *The Radicalism of the American Revolution* / Gordon S. Wood. – N.Y., 1992.
2. Hope, J. *Autobiographical Memoir of James Hope* / James Hope // Madden, R.R., *United Irishmen: Their Lives and Times in 3 vols. 3-d ser. 3-d ed. Vol. I* / Richard Robert Madden. – L., 1846.
3. Dunne, T. *Popular Ballads, Revolutionary Rhetoric and Politicization* / Tom Dunne // *Ireland and French Revolution* / H. Gough and D. Dickson (eds.). – Dublin, 1990.
4. Madden, R.R. *Memoir of Henry Joy McCracken* // R.R. Madden. *United Irishmen: Their Lives and Times in 2 vols. 2-d ser. Vol. II* / Richard Robert Madden. – L., 1843.
5. MacNeven, W.J., Emmet, T.A. etc., *Pieces of Irish History* / William James MacNeven (pub., ed.), Thomas Addis Emmet. – N.Y., 1807. – №136.
6. Phelps, M.W. *Nathan Hale: the Life and Death of America's First Spy* / M. William Phelps. – N.Y., 2008.
7. Smyth, Jim, *Popular Politicization, Defenderism and the Catholic Question* / Jim Smyth // *Ireland and French Revolution* / H. Gough and D. Dickson (eds.). – Dublin, 1990.
8. Townshend, Ch. *Political Violence in Ireland. Government and Resistance since 1848* / Charles Townshend. – Oxford, 1988.
9. MacDonagh, M. (ed.) *The Viceroy's post-bag* / Michael MacDonagh (ed.). – L., 1904.
10. Yeats, W.B. *Emmet. The Apostle of Irish Liberty* // *Uncollected Prose by W. B. Yeats in 2 vols. Vol. 2: Reviews, Articles and Other Miscellaneous Prose: 1897 – 1937* / William B. Yeats, col. and ed. by John P. Frayne and Colton Johnson. – N.Y., 1976.
11. Elliott, M. *Robert Emmet: The Making of a Legend* / Marianne Elliott. – L., 2003.
12. Newsinger, J. *Fenianism in Mid-Victorian Britain* / John Newsinger. – L., 1994.
13. Moore, T. *Memoirs of Captain Rock* / Thomas Moore; edited and introduced by Emer Nolan with annotations by Seamus Deane. – Dublin, 2008.
14. Devoy, J. *Recollection of an Irish Rebel* / John Devoy. – Dublin ; Cork ; Belfast ; L. ; N.Y., 1969.
15. Beames, M.R. *The Ribbon Societies: Lower-Class Nationalism in Pre-Famine Ireland* / M.R. Beames // *Nationalism and Popular Protest in Ireland* / Paul Slack (gen. ed.). – Oxford, 1987.
16. Kee, R. *The Green Flag. The Turbulent History of the Irish National Movement* / Robert Kee. – N.Y., 1976.
17. *The Proclamation /the Provisional Government* // *The Times*. – 1867. – 8 March.
18. Daly, M.E. *Social and Economic History of Ireland since 1800* / Marie E. Daly. – Dublin, 1981.
19. Garvin, T. *Nationalist Revolutionaries in Ireland, 1858–1928* / Tom Garvin. – Oxford, 1987.
20. Golwey, T. *Irish Rebel: John Devoy and America's Fight for Ireland's Freedom* / Terry Golwey. – N.Y., 1998.
21. O'Broin, L. *Revolutionary Underground. The Story of the Irish Republican Brotherhood, 1858–1924* / Leon O'Broin. – Dublin, 1976.